

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЭТНОСА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

ТЕСЛЯ Е.Т., ТЕСЛЯ С.Н.

В статье раскрывается содержание проблемы идентичности этноса с позиции интерпретации тех трудностей, что встают на пути формирования народом, в частности, народами Кавказа, образа себя в современных условиях.

Ключевые слова: этнос, этногенез идентичность, идентификация, современность.

УДК 316

Почему сегодня современно обращение к проблеме идентичности? Не столько актуально, сколько именно современно? Различая эти понятия, можно сказать словами Мартина Хайдеггера: «... самоудаление того, что должно осмысляться, быть может, в настоящее время современнее как событие, чем все актуальное» [4; 138-139]. Приближаясь к постановке проблемы идентичности, мы должны признать факт постоянного ухода идентичности, что сказывается в обострении чувства отчуждения от человека его родовой сущности, воспринимаемом как социальное одиночество, заброшенность, покинутость в мире, и как следствие, факт предвосхищаемой и даже реальной ностальгии по тому, что все время ускользает, именно своим исчезновением из прямого поля зрения заставляя неотвратимо искать встречи...

Если бы мы отталкивались в постановке проблемы сущности идентичности, скажем, «этноса» от «актуальности» и стали бы «разворачивать» тему, то разговор мог бы уйти, например, в предстоящие Олимпийские игры в Сочи. В этом случае диапазон размышления об идентичности свелся бы к проблеме выяснения значения и смысла толерантности в межэтнических отношениях, почти к методическому уровню исследования условий ее формирования, внедрения, т.е. всяческого «вызывания» толерантности к присутствию. Таким образом, актуальность проблемы идентичности требовала бы решения проблемы по преимуществу. Это было бы вполне конъюнктурно, однако не дальновидно.

Если же говорить о «современности» проблемы идентичности, то разговор должен пойти о том содержании идентичности, которое касается всей современности, в том числе, конечно, и современной России. А если это касается современности, то, возможно, современности без этого «не обойтись» вообще. И если мы говорим о проблеме идентичности как современной, значит, поскольку это – проблема, то где-то в этой самой современности есть некие «проколы» сути? Поэтому, возможно, современность и обеспокоена и осознает эту обеспокоенность именно как проблему. Чем же может быть так сильно обеспокоена современность, и что совсем не беспокоило, например, в XVIII или в XIX веке то, что тогда называли «современностью» в той же России? И это «что-то» априори задается нами как связанное с научным интересом к этносу. И это «что-то» современно нам именно потому, что требует не решения, но подвигает к осмыслению! Не конъюнктурно выглядит, но, как кажется, весьма перспективно.

Заметим, что не стоит смешивать понятия «идентичность» и «идентификация». Последнее указывает на «роль», на процесс уподобления «другому», уже предполагающий наличие «идентичности»: чтобы «уподобиться» другому, надо уже уметь отличать себя от другого и иметь опыт удержания самотождественности в самовосприятии, подкрепленном интимным образом себя. Восприятие себя как основа идентичности уже должно быть прежде, чем «начнется» идентификация. Этот фундамент собственно психологического опыта в человеке – восприятие – есть почва чувствования себя собой. Ясно, что это «себя собой» есть своего рода «код» человеческого как такового. Можем сказать, что идентичность как восприятие себя собой – исток всего дальнейшего психологического саморазворачивания сущности человека. Эту сущность не без основания усматривают в сознании; и там, где нет сознания, там нет и человека. Сознание и восприятие не случайно были настолько близки по (на)значению в феноменологии Э. Гуссерля, считавшего, что «чистый акт восприятия» и есть сущностно представленный феномен сознания. А прерогативой сознания вообще и «чистого акта восприятия» в частности он вывел

«интенциональность» как «стремление к...», чтобы подчеркнуть саму идею человека: человек не «приходит в мир на готовое», он сам в спонтанной деятельности сознания, требующего напряжения всех его (человека) сущностных сил, интендирует бытие, производит его из «ничего», очерчивая свою ойкумену напряжением смыслов. Только в пространстве-времени смыслополагания и имеет место такой феномен, как человек. Из этих аксиом феноменологии ясно, что идентичность как восприятие себя собой и сознание себя человеком (где «человек» и есть «оборотная сторона» себя, «интендируемое» сознанием) архетипически едины.

Первое, что попадает в поле осмысления судеб народов в XX в., это тот факт, что только когда народ близок к «смерти» как народ (доведен до тактики выживания), до него «доходит» смысл его призвания и открываются глаза на себя как на высшую ценность собственно жизни. На грани «вымирания» и встает перед народом проблема его идентичности как отклик на экзистенциальную востребованность того единственного масштаба, где такой субъект жизни, как этнос, может почувствовать в себе человека и перейти от «режима выживания» к «ритму жизнепроживания». В этом ритме проживания и дается *эффект реальности*, и сила этого эффекта реальности такова, что начинает воспроизводиться потребность быть и оставаться собой всегда.

Образ себя как народа – основа сознания этноса. Сознание же этноса, как показывает современная антропология, задает (интендирует) бытие этноса. Бытие этноса можно расшифровать через понятие «тело», коллективное, тотальное по своей сути. Живое тело этноса указывает на сознание, сознание показывает себя в теле, в наличном присутствии этноса как такового. Тело этноса – это обратная сторона его живой воспринимающей активности (= субъектности), фундирующей сознание народа. Добавим, что поскольку восприятие дает целостный образ, а человек – это всегда «мотивированное» существо, то в образе себя он «несет» то, что желанно именно человеку-народу, к чему народ расположен. Образ себя (идентичность) это то, чему народ никогда не сопротивляется в себе. А чему он не сопротивляется в себе? Себе. Поэтому проблема идентичности, если она заявляется как проблема, показывает «пробелы» в том, что мы называем «умением быть собой».

В попытке раскрыть, что значит «уметь быть собой», посмотрим, где находится «тело этноса» народов, живущих на Кавказе, отыщем его «место», с тем чтобы осознать меру уместности этноса и его действительной фактичности. Или, наоборот, отметить *не имение места* и, следовательно, неуместность народа, его «иллюзорное» присутствие, кажимость присутствия и его неподлинность.

Проселочные дороги Абхазии, Армении, Грузии и России есть та *местность*, где обитает человек-этнос, где еще можно с ним встретиться. А вот на городских рынках, где концентрированно показывает себя этническая «элита» города, представлен не живой образ народа, а его виртуальный «имидж». Имидж, создающий эффект театральности в противовес «эффекту реальности». Этот имидж – «продавец». Трудно сказать, что имидж «продавца» это и есть образ себя этнического субъекта, например, Кавказского региона. Это, скорее, ущербная для его идентичности проекция товарно-денежных отношений, в которых идентифицирует себя и самоограничивает, уподобляясь выбранной роли, взрослый цивилизованный субъект.

Но каким-то странным, на первый взгляд, диссонансом «взрослому продавцу» на тех же рынках, с машин, нагруженных овощами, звучат хоровые народные песни и напевы абхазов, армян, других народов, где слова «... вся Армянская земля...», «Чечня-свободная» или «... наши Абхазские горы...» – в ряду шлягерных припевов! Такое впечатление, что в самой гуще «товарной» идентификации по-детски запекает идентичность, нарушая темп товарообмена вольным сопротивлением навязываемой социальной взрослости.

И если посмотреть «шире», то видно, что в случае господства «продавца» происходит отчуждение этнического тела в «продуктивное тело» (М. Фуко) социального субъекта, изнашивающееся на нелюбимой работе. Не отсюда ли шокирующий обывателя низкий уровень обслуживания на рынке? Такое изношенное в «цивилизации» тело не просто грубеет, как грубеют руки абхазской женщины, везущей на тележке через границу холодильник. Такое тело рано или поздно превращается в бунтующее тело, прямо или косвенно реагирующее на ущербность для себя «рыночной» идентификации. И как когда-то луддисты в Англии 18 века ломали машины, видя в них «механических» конкурентов, а на самом деле себя воспринимаемая на уровне «механизма», «инструмента», так и этнические

«продавцы» в один прекрасный день могут сбросить свои апельсины в реку Мзымту и появится на карте этнической нестабильности еще одна «Оранжевая река». То, что мы наблюдаем сегодня пока на уровне песни, уже напоминает рождающееся сопротивление этноса «эффекту театральности» и может перейти в реальные технологии и техники разрушения этой иллюзии.

Процессы этнической консолидации могут предстать как такая «технология разрушения» эффекта театральности. Сегодня в независимой Абхазии, например, большое значение приобретают народные сходки – на свадьбы, рождение ребенка, похороны. Все эти ритуалы и праздники имеют ярко выраженный «пограничный», «переходный» статус: в них фиксируется важный в жизни этап, знаменующий новый виток роста или же невозможную утрату. И, подчеркнем, отмечаются они на своей земле, в живом ландшафте своей родины, а не в концертных залах Сочи. Почему мы подчеркиваем этот факт? Потому что «здесь» становится оправданной остро востребованная ритуальность жизни. А почему ритуал так важен народу? Потому что в нем символически закреплены главные жизненные ценности рода, которому народ принадлежит и который связывает поколения единой линией преемственности. А на своей земле никто этих родовых ценностей оспаривать не посмеет. Ритуал скрывает интуитивную востребованность «чувства мы», в котором гнездится исконная религиозность народа, необходимость религиозного определения себя как мотива к со-вместному, со-гласному бытию. Речь не идет о строгом конфессиональном выборе. Здесь религиозность проявляется как естественное оформление потребности «быть в связи, вместе», что входит в значение слова religio. И религиозный запрос того же абхаза сегодня это не институционально-культовый уровень (Г. Плеханов), а запрос этнической памяти в виде «поминальной свечи», которую можно отнести как в мечеть, так и в христианскую церковь, главное – осуществить связь, по-детски просто и естественно.

Это было характерно для «начала» человеческой истории, как в свое время прекрасно было описано Л. Фейербахом [1], позже – Б.Ф. Поршневым [2]. Праздник, облагораживая ландшафт общим со-присутствием и со-участием, создает условия реального видения себя (очевидного), а не только «узнавания» в условном пространстве рыночной инфраструктуры.

Таким образом, можно сказать, что этносы Кавказа сегодня как бы возвращаются, поворачиваются к началу человеческой истории через востребованность именно образа идентичности. Характер этого «начала» человеческой истории детский, как свидетельствует, например, М. Мид [3]. Так что детскость этнического начала истории можно сравнить с человеческим детством как таковым, и в этой детской ипостаси начинает расти идентичность.

Поэтому независимость Абхазии и Южной Осетии восторженно встречена прежде всего самими этими народами, чего нельзя сказать об отношении к этому факту цивилизованного европейского сообщества, исключая «осторожное» и «негласное» полу-согласие «родовых» государств Азии и Индостана. Это и понятно: западная цивилизация в этом случае показывает несовместимость с родовой культурой идентичности народа. В нашем случае – народов Северного Кавказа.

Однако для малых по своей численности народов Кавказа существует и другой вариант «разворачивания» событий, а именно – предпочесть вынужденно либо добровольно эффект театральности, идеологически жестко оформив его «под единственную реальность». Пренебречь идентичностью и пойти на полное «огосударствление», означивание себя государственными знаками и значками. Быстро, сравнительно дешево можно стать похожими на настоящих взрослых и богатых цивилизованных людей запада: у всех мобильные телефоны, ноутбуки, автомобили, американская кукурузная мука... Ведь живем же мы в век информационных компьютерных технологий и, погружаясь в виртуальное пространство, считаем, что живем по-настоящему! Отсталость экономическая и политическая, отсутствие сильного корпуса этнической элиты, последствия войны создают ту усталость народа, которой могут воспользоваться, как это не раз бывало в истории, современные «конкистадоры». И виртуально для народов Кавказа это будет выглядеть как «цивилизованное государство», а в действительности они превратятся в сырьевой придаток и рынок сбыта подпорченной продукции развитых капиталистических стран. С другой стороны, они легко могут превратиться в нивелированное население, лишенное единства, что может привести к превращению некогда «независимых» территорий в военный плацдарм против России прямо у ее границ.

Не мистифицируя проблему этнической идентичности, можно сказать, что в этой проблеме схватывается сегодня ускользание, уход, отсутствие присутствия детства народов. И поэтому современность проблемы идентичности видится в востребованности детства народов. Оно ускользает, поэтому и требует осмысления – «осмысляющего раздумья» (М. Хайдеггер) [4].

Примечания:

1. Фейербах Л. Лекции о сущности религии / Фейербах Л. Избранные философские произведения. Т.2. М.: Государственное издательство Политической литературы, 1955. С. 490–895.
2. Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1972(2). 232 с.; Тесля Е.Т. «Новая хронология» и история: содержательно-критический экскурс // История и историки в контексте времени. 2006. № 4. С. 173–193.
3. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Асеева. Сост. и послесловие И.С. Кона. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. 429 с.
4. Хайдеггер М. Что значит мыслить? /Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник. Пер с нем. А.Л. Доброхотова. М.: Высш.шк., 1991. С. 134–146.

Сведения об авторах:

Тесля Евгений Томович,
канд. филос. наук, доцент Сочинского
государственного университета (г. Сочи).
Тесля Светлана Николаевна,
д-р псих. наук, профессор Сочинского
государственного университета (г. Сочи).

ETHNIC GROUP IDENTITY AS A PROBLEM OF CONTEMPORANEITY:
SOCIAL AND PHILOSOPHIC ASPECTS

TESLYA E.T., TESLYA S.N.

The article touches upon the problem of ethnic group identity from the position of interpretation of the difficulties which the peoples of the Caucasus face in the process of image formation in the current context.

Keywords: ethnic group, identity ethnogenesis, identification, modernity.

UDC 316